

На военном языке «язык» — это не то, что есть у каждого во рту, а пленный, который много знает о своих войсках. Ни один хороший командир не начнёт наступление, пока не допросит «языка», не узнает от него, сколько солдат у неприятеля, сколько танков, где стоят пушки, пулемёты, что неприятель готовится делать. Вот наш генерал, прежде чем повести дивизию в атаку, и приказал достать «языка». Для такого важного дела дал он разведчикам неделю сроку.

А фашисты загородили свои позиции колючей проволокой. В снегу мины закопали. На проволоке развесили пустые консервные банки и бутылки. Чуть коснётся кто проволоки — поднимется звон. И тогда вспыхивают в небе осветительные ракеты, а в то место, где звон раздался, летят фашистские пули. Двоих разведчиков ранило. Неделя подходила к концу, но «языка» разведчики не достали.

Похудели разведчики от заботы, ходят хмурые, всё ломают головы, как достать фашиста — «языка». И вот один, звали его Серёжа Скороходов, придумал. Он сам так обрадовался этому, что крикнул во весь голос:

— Придумал!

Хотя кричать в его положении было нельзя. Скороходов лежал в снегу перед немецкими позициями и разглядывал их в бинокль. Немцы слышали крик, зимняя ночь осветилась огнём ракет, наполнилась треском автоматов и пулемётов.

— Пугайте, пугайте, — проговорил Серёжа, на этот раз шёпотом, и пополз к своей траншее.

Скоро он был в землянке разведчиков. Рассказав о своём плане, он улёгся спать. Спал Скороходов крепко и долго — до позднего утра. Товарищи не будили его. Принесли завтрак в котелке, на печурку поставили, чтобы не остыл. Солдату надо было набраться сил. Предстояла ему тяжёлая работа.

Днём Скорохова вызвал генерал.

— Ну-ка расскажи поподробнее, что ты удумал? — сказал он. — Где ты перейдёшь к немцам?

— Поползу я, товарищ генерал, по шоссе, — ответил Скороходов, — по самой серединочке.

— Так тебя же подстрелят, как воробья! — рассердился генерал. — Разве не знаешь, что дорога с обеих сторон простреливается из пулемётов?

— Погодите, товарищ генерал, не сердитесь! Мне бы листок да карандаш.

И Скороходов нарисовал рисунок.

— Правильно, — начал объяснять рисунок разведчик. — Из обоих дотов и справа и слева бьют немцы по шоссе пулемётными очередями. Да только они чуть-чуть просчитались. Не могут они опустить пулемётные стволы низко — мешают амбразуры. И остаётся на самой середине шоссе треугольничек, свободный от пуль. Я их стрельбу три ночи наблюдал. Даже красиво получается, товарищ генерал: пули трассирующие, летят, светятся и, как разноцветные струи, над серединой дороги перекрещиваются. Под этим перекрестием и поползу. Маленький треугольничек получается, но поползти в нём можно без опасности.

— Хорошо, просто очень хорошо! — восхитился генерал. — А как ты найдёшь ночью в темноте этот безопасный лаз?

— Найду, — успокоил Скороходов генерала, — ползти мне надо мимо кола, рядом с которым висит банка, на той банке ананас нарисован.

— Какой ты молодец! — снова восхитился генерал. На прощание он обнял солдата и пожелал ему счастливого и скорого возвращения.

В дорогу Скороходов оделся тепло. На нём были шапка, телогрейка, ватные штаны, валенки, поверх всего — два белых маскировочных костюма: второй костюм был для немца. Из оружия разведчик взял автомат, пистолет, нож, две гранаты и ножницы, чтобы резать проволоку. Он не думал долго задерживаться у неприятеля, поэтому из еды сунул в карман только плитку шоколада.

Поздней ночью Скороходов пополз к немцам. Полз он в глубоком снегу, как крот в земле, и подобрался к проволоке незамеченным. Теперь ему надо было найти банку с ананасом. Ночь для разведчика выдалась удобная: не светлая и не тёмная, какая-то серая, издали ничего не видать, а вблизи видно. Но как ни таращил глаза Скороходов, не мог найти банку с ананасом. Приметная банка затерялась среди множества банок и бутылок.

На счастье, где-то в стороне что-то встревожило немцев, они выпустили в пасмурное небо осветительную ракету. Скороходов приподнял голову от снега и в белом дрожащем свете увидел прямо перед собой свой ориентир.

«Порядок!» — подумал Скороходов.

Дождавшись, когда догорела ракета, он принялся резать проволоку.

Дул лёгкий ветер. Звуковая сигнализация немцев позвякивала сама собой. Звон банок и бутылок, потревоженных нашим бойцом, невозможно было различить. Прорезав проход и убедившись, что нет в нём мины, разведчик сунул ножницы поглубже в снег и снова пополз.

Фашисты спали в своих блиндажах. Блиндажи были на ночном снегу как большие сугробы. От этих сугробов тянуло дымом — под слоем снега, земли и брёвен топились печки.

«Сунуть бы в трубу гранату, — подумал в сердцах Скороходов, — сразу бы сон отшибло!»

«Язык» Скороходову всё не попадался. Можно было взять часового в траншее неподалёку от проволочного заграждения. Но часовой много не знает, это «язык» третьесортный. Нужен был офицер.

Время шло уже к утру, когда усилился ветер. Он дул всё резче, и скоро завывала, засвистела метелица.

«Теперь ни один путный фриц носа наружу не высунет», — огорчился Скороходов.

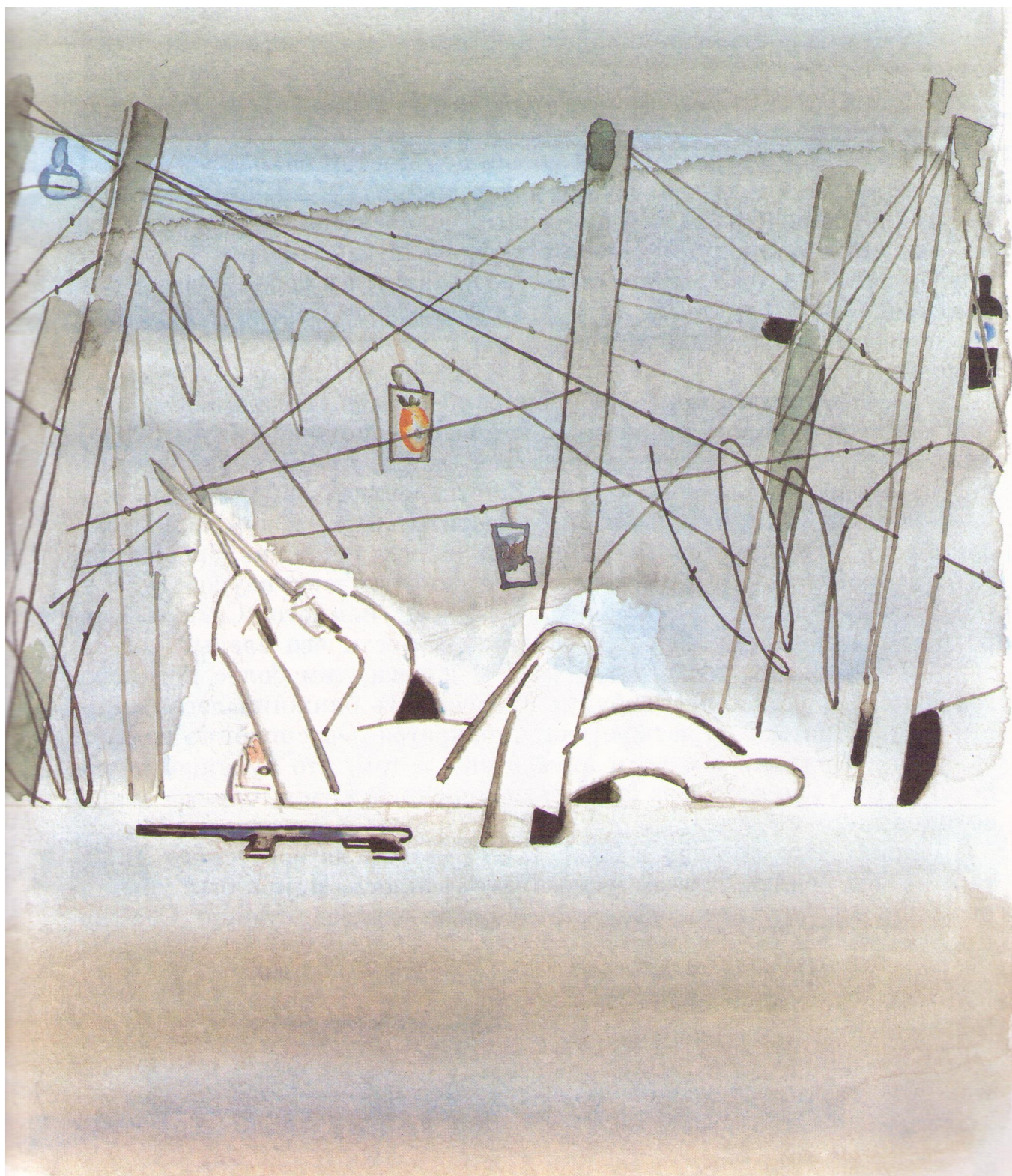
И он терпеливо ждал, зарывшись в снег в стороне от большого сугроба. Под этим сугробом, по предположению разведчика, жило какое-то начальство.

Настало утро. Но темно было по-прежнему, даже темнее. Между землёй и небом носились снежные вихри. Порой казалось, что снег летит не сверху вниз, а с земли на небо. Вьюга разгулялась вовсю. И в это время из блиндажа вышел фашист. Он был по пояс голый, в щегольских галифе и кожаных сапогах. Фашист нагнулся, захватил руками снег, бросил его себе на живот, на грудь, в лицо.

— Сибир-р-р! — кричал фашист в восторге и растирался снегом. — Сибир-р-р! Мор-р-рос-с-с!..

«Знал бы сибирский мороз, не драл бы глотку, — проговорил про себя Скороходов. Разведчик очень рассердился на немца. —

Вынесло тебя, полуголого. Что я с тобой, дураком, теперь делать буду? Намаюсь я с тобой. А офицер ты, видать, важный...»

Разведчик кошкой подкрался к фашисту, оглушил его и, сунув ему в рот рукавицу и связав шнуром руки, потащил к дороге.

Ещё готовясь к заданию, изучая карту, Скороходов отметил на дороге у немцев маленький мосток через ложбину. Это было единственное известное разведчику убежище. Мосток находился в полукилометре от блиндажей. Нужно было спешить и спешить. Приятели немца обеспокоятся, что полуголый человек долго стоит на морозе, выглянут наружу, поднимут тревогу. Будь «язык» одетый — другое дело. Одетого можно было сразу тащить к себе. Его долго не хватились бы... Такие мысли мелькали в голове Серёжи Скороходов, пока он, задыхаясь, застревая в глубоком снегу, тащил немца к мостку.

У мостка разведчик, совершенно обессилев, повалился в снег. Так он лежал рядом с пленным какие-то короткие минуты, отдыхал. И чуть силы стали возвращаться, встал, протолкнул пленного сквозь сугроб под настил и сам на четвереньках заполз туда.

Убежище оказалось довольно вместительным: в нём можно было сидеть. Правда, голова упиралась в обледеневшие брёвна, ноги — в край канавы, но разведчик не замечал этих неудобств.

До светлого времени оставалось совсем немного. Серёжа Скороходов волновался: успеет ли метель замести его следы? Он надеялся, что немцы не будут искать у дороги, тем более под дорогой. Они, вероятнее всего, будут прочёсывать ближний лес. А зимний день короткий, в четыре уже смеркается. Он спокойно дожждётся ночи... Подумав обо всём этом и ещё о том, что будущей ночью немцы станут во все глаза следить за передним краем, Серёжа занялся пленником.

Фашист уже пришёл в себя, тупо смотрел на советского солдата и не мог понять, где он, что с ним случилось. Немец был упитанный, белый, круглоголовый, лет сорока — вдвое старше Серёжи. Да и толще он был, пожалуй, вдвое.

Наш разведчик показал пленному автомат и спросил:

— Ферштеен? Понятно?

Тот закивал головой, показывая, что всё понял.

— Штиль. Тихо, — продолжал разговор Скороходов. — Ты знаешь, что такое штиль на море? Ни ветерка, ни волны... Будешь «штиль» — жив останешься.

Немец опять закивал головой, хотя понял из всей фразы только одно слово.

— Ну вот, договорились, сейчас одеваться будем,— подмигнул ему Серёжа, принимаясь стаскивать с себя маскировочные костюмы. Он положил их около немца, развязал ему руки...

«Язык» уже был синим от холода. Он моментально натянул обе куртки, штанами обмотал голову, как чалмой, и другие штаны накинул на плечи. Глядя немигающими глазами на разведчика, немец медленно вытянул изо рта рукавицу и надел её себе на руку.

— Ну и нахал! — обругал Серёжа «языка», но рукавицу не стал отбирать, даже дал вторую, зато снова связал ему руки.

Наступил день. На дороге слышалось гудение и скрежет. Ехал снегоочиститель. Разведчик вынул обе гранаты и положил их рядом. Немец понял, что если случится сейчас бой, то кончится он и для него самого и для разведчика одинаково. Обещая не предпринимать никаких действий, пленный шёпотом проговорил:

— Штиль...

— Гут! Хорошо,— ответил тоже шёпотом Серёжа, а сам в тревоге подумал: «Замело ли у дороги следы?»

Снегоочиститель скрёб дорогу над мостком. Брёвна скрипели, с них сыпались ледышки. И тут в убежище вдруг потемнело. Снегоочиститель сбросил в канаву гору снега и совсем завалил вход. «Теперь определённо не найдут»,— успокоился разведчик.

Буран наверху не утихал. Немецкие солдаты по пояс в снегу прочёсывали лес. Опасаясь нарваться на автоматную очередь, совали палки под еловые лапы, засыпанные метелью, кричали... У врага никто не сомневался, что офицер похищен советскими разведчиками.

Буран кружил снеговые облака и над нашими позициями, над пушками, над танками, над землянкой разведчиков — товарищей Серёжи Скороходова, над землянкой генерала.

Серёжины товарищи много раз за день выбирались из землянки наружу, подолгу смотрели в сторону немецких позиций. Но что можно было разглядеть, если в десяти шагах всё пропадало в снеговой мукé? И генерал тоже выходил, хотя, конечно, как и разведчики, знал, что Серёжа, если сумеет, вернётся только ночью.

В конце дня пленный раздел Серёжу. Нет, ничего опасного для нашего разведчика не случилось. Но пришлось ему отдать немцу свою телогрейку. Хотя немец всё время делал гимнастические

упражнения — сгибал и разгибал колени, крутил туловищем, — он всё-таки заоченел так, что Серёжа стал опасаться: доставит ли он «языка» в хорошем состоянии? Когда Серёжа дал немцу телогрейку в обмен на маскировочные куртки, тот показал глазами и на ватные штаны. Офицерские галифе не грели, а немец понял, что он «язык», поэтому разведчик будет беречь его больше, чем самого себя. Из этого обстоятельства немец хотел извлечь наибольшую выгоду.

— А вот этого не хочешь? — показал ему Серёжа фигу.

Но внушительной фигуры не получилось. Замёрзшие пальцы не гнулись, по всему телу Серёжи пробежала дрожь. Потом эта дрожь сама собой утихла, будто бы потеплело, стало клонить в дремоту. Серёжа испугался: так ведь замерзают люди зимой. Теперь уже он, а не пленный сидя делал гимнастику, движениями разгонял по жилам остывшую кровь.

Ночью перед выходом из убежища разведчик разломил пополам плитку шоколада и одну половинку скормил «языку».

— Ешь, ешь, — приговаривал Серёжа Скороходов, — подкрепляйся. Тащить я тебя не намерен. Своим ходом пойдёшь.

Скороходов надел на пленного маскировочный костюм, а сам остался совсем легко одетым. Но иначе было нельзя. Теперь всё дело состояло в том, чтобы белыми тенями, слившись со снежными вихрями, с курящимися сугробами, проскользнуть через линию фронта.

Разведчик и «язык» шли в стороне от дороги снежным полем. Немец — впереди, наш — за ним. Вдруг немец остановился и обернулся к разведчику. Сказать он ничего не мог, во рту у него снова была рукавица. Но Серёжа понял, что тот хотел сказать: «Ничего у тебя, Иван, не выйдет. Германские солдаты знают своё дело».

Всё пространство между вражескими и нашими позициями — ничейная полоса — было освещено. Как только начинали угасать одни осветительные ракеты, немцы пускали новые.

«Плохо, — подумал Серёжа. — Надо бы ещё сутки посидеть под мостом. Завтра они не будут так жечь свою иллюминацию. Но разве высидишь ещё день и ночь в такой холод? Или «язык» замёрзнет, или я. И то и другое — плохо. Нужно обоим остаться живыми».

Двое людей — враги друг другу — снова шагали, будто плыли по снежным волнам. А потом Серёжа развязал пленному руки, и они поползли. Когда выползли на дорогу у проволочных заграждений, «язык» заупрямился. Он смирился со своей участью, однако

боялся, что его убьёт своя же, немецкая пуля. Разведчик погрозил автоматом. Но не автомат испугал фашиста, а Серёжины глаза. Видно их было как днём, потому что осветительные ракеты — «лампы», так их звали наши солдаты, — горели прямо над дорогой. Немец пополз.

— Шнель! Быстрее! — закричал Серёжа Скороходов изо всех сил.

Таиться было бесполезно, немцы заметили две белые фигуры, распластавшиеся в снегу. Из обоих дотов по ним ударили пулемёты.

Серёже Скороходову теперь нужно было направить «языка» в безопасное место, в тот треугольник, где не летели пули. Поменяться местами с «языком», чтобы показать дорогу, он не мог: «язык» был тихий, пока чувствовал автомат за собой. Разведчик стал легонько постукивать его автоматом — то справа, то слева. Немец понял, что у разведчика есть лаз, и слушался.

Пули свистели над самой головой, ветер тоже свистел, и сыпал снег. От ветра, от пуль звенели, звякали банки и бутылки на колючей проволоке.

Но Серёжа никаких звуков не слышал. Все его мысли, вся воля были отданы тому, чтобы преодолеть небольшое уже расстояние, отделявшее от своих.

По суматохе у немцев наши поняли, что разведчик возвращается с задания. И тут артиллеристы, ждавшие этого события с вечера, ударили по фашистским дотам снарядами — треугольник треугольником, а так было надёжнее, так было вернее обезопасить путь своему бойцу.

Немцы тоже ударили по дороге из пушки. Грохот взрывов заглушил все другие звуки вьюжной ночи. Мёрзлая земля, разбитая на комья и пыль, взлетала вверх и опускалась на белый снег чёрными кругами. Но было это уже не опасно. «Язык», а следом и разведчик скатились в нашу траншею.

— Вот вам «язык», — сказал Серёжа товарищам-разведчикам, которые встречали его в траншее. — «Язык» тёплый...

Утром Скороходова вызвал генерал. Но Серёжа не мог подняться с топчана в землянке. У него был сильный жар: промёрзнув, он тяжело заболел. Генерал сам пришёл в землянку разведчиков.

— Спасибо! — сказал он Серёже Скороходову. — «Языка» ты достал очень хорошего. Мы и без него знали о противнике много,

но он рассказал такое, что было неизвестно. Фашисты сумели незаметно подтянуть на наш участок танки: нам они здесь здорово помешали бы. А теперь эти танки не страшны. Я уже связался с лётчиками. Пикирующие бомбардировщики перед атакой разобьют их бомбами. Говори, какую награду тебе дать? И не скромничай. Представь, сколько наших бойцов ты уберёг от смерти!..

— Товарищ генерал, пусть меня не отправляют в госпиталь, — попросил Серёжа. — Я тут у своих поправлюсь скорее...

— Нет уж, — ответил генерал, — в госпиталь тебя отправят. Завтра твои товарищи будут далеко от этих мест, не лежать же

тебе в землянке одному. Завтра начинаем наступление. А награду я тебе выберу сам.

К генералу подошёл его адъютант со шкатулкой. В шкатулке лежали разные ордена и медали.

— Ты достоин, — сказал генерал, — ордена Отечественной войны, носи его с гордостью.

Серёжа Скороходов взял орден, и генерал, как полагается в таких случаях, пожал ему руку. Серёжина рука была горячая. Генерал долго держал её.

— Ты пей все лекарства, — сказал он. — И горчичники держи подольше. Не боишься горчичников? Ух и жгут они!

— Не боюсь, — улыбнулся Серёжа Скороходов.